

Г р . М а р к

В ? с ? ё ?

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)
М26

Марк Гр.
М26 В?С?Ё? / Григорий Марк. — СПб. : Алетейя, 2010. — 248 с. — (Серия
«Русское зарубежье. Коллекция поэзии и прозы»).

ISBN 978-5-91419-335-2

Новая книга Григория Марка «В?С?Ё?», где после каждой из трех букв заглавия чернеет вопросительный знак, — это не поклон в сторону вопиющего словесного модернизма и не заигрывание с ним. Напротив, внутри исключительно сильного и свежего словесного новаторства в тексте сохранены и основные «академические» ценности нескольких литературных жанров: семейной драмы, детективного романа, истории жизни лирически и болезненно воспринимающего грубую действительность юноши и даже — сатирической повести. Мастерство автора, много лет назад утвердившего своё имя в русской поэзии, оказалось сейчас не только в том, чтобы отказаться от поэтического «я» и переметнуться к «суровой прозе», но и в том, чтобы в рамках этой прозы удержать весь блеск и неожиданность своего первичного поэтического дара.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)

ISBN 978-5-91419-335-2

© Григорий Марк, 2010
© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2010
© «Алетейя. Историческая книга», 2010

ИСЦЕЛЕНИЕ СЛОВОМ.

Есть страна, в которой живет каждый, совершенно об этом не задумываясь. У этой страны свои законы, своя власть, свои понятия о том, что можно и чего нельзя (которые, как в каждой стране, порой нарушаются — очень редко успешно, чаще — неудачно). Это страна языка, на котором мы говорим и думаем, та самая, о которой Гамлет сказал свои знаменитые и презрительные «слова, слова, слова...», намекая на ложь и приблизительность, которые процветают в этой стране, когда слова бунтуют против смысла и обретают пьянящую легковесность. Сложности в понимании происходящего добавляет то, что кроме слов, в ней с тем же правом обретаются междометия, вопросительные и восклицательные знаки, и даже жесты и паузы.

Колумбом этой страны предстает в своем романе «В?с?ё?» Григорий Марк. С энтузиазмом и тщательностью первопроходца описывает он страну Глаголандию, в которой слова и смыслы, то расходясь друг с другом, то грозно совпадая, пресуществляются в события и судьбу героев, независимо от того, осознают они это или нет. С замечательной изобретательностью заставляет он слово выдать свой сокровенный смысл, выявив его звуковую основу. Здесь сказывается поэтический опыт Григория Марка, автора нескольких стихотворных сборников, в которых вся образность и метафорика рождается из звуковых, а порой и визуальных (а значит, смысловых) соотношений. В прозе, где нет соблазна мелодии, ритмического деспотизма, пристальность внимания к ассоциативным возможностям слова, заложенным в его звуковой основе, еще и возрастает. Достаточно сказать, что толковый словарь, приложенный к роману, равен почти половине объема текста. Конечно, это прием, и сам толковый словарь составляет неотъемлемую часть романа. Пусть не все «новообразования» слов придется по вкусу разным читателям, нельзя не отметить тонкость слуха и ассоциативную изощренность автора. Вообще, для человека, чуткого к словесной игре и ее возможностям, этот роман настоящий подарок. Но существенно и то, что роман не замыкается в словесной игре, иначе автор должен был бы по справедливости озаглавить его по названию языковой страны — «Глаголандия».

Но роман назван «В?с?ё?», по имени главного героя и рассказчика повествования. И здесь мы должны вспомнить о другой стране, жителями которой мы все являемся, стране внутреннего «я». В отличие от первой, эта страна хорошо освоена, особенно в новое время, тонкими психологами от Руссо до Ницше и Фрейда, а темой пробуждения и поисками этого «я», собственно, и занят классический роман от Толстого и Флобера до Пруста. По милости современных «деконструкторов» в философии и литературе, материя этого «я» протерлась до полной неосязаемости, но Марк возвращает нас к классическому варианту, «воспитание чувств» героя внимательно прослежено от шокового детского переживания увиденной случайно любовной сцены

с участием матери до собственной непростой истории любви в ее развитии, от замечательно написанного преображения мира при появлении возлюбленной до столь же убедительно показанного вырождения этой любви в равнодушие и ненависть. Имя героя намекает на тотальность картины мира, воспринимаемой этим «я», но знак вопроса после каждой буквы сразу же ставит эту тотальность под сомнение. Именно это сомнение, доводящее героя до «асемантической депрессии», делает его образ близким каждому, кто сомневаясь в каждой буквочке своего «всё», тем не менее, бесстрашно пускается на его поиски и исследование. Им и будет интересен роман Марка.

Для меня главные удачи романа происходят на границе двух стран: языковой Глаголандии и внутреннего «я», в местах их активного взаимопроникновения. Воздушная природа слова обретает плоть и тяжесть при столкновении с проблемами героя, сам герой обретает жизненность в столкновении со словами. По глубокому убеждению автора, все душевные болезни коренятся в слове, но и лечатся они тоже словом. Проза Марка предлагает свои рецепты, и наверняка найдутся благодарные пациенты, которым она вернет почти утерянное в наше время ощущение словесного фейерверка и неслучайного богатства смысловых возможностей, заложенных в «словах, словах, словах...».

Валерий Черешня

В?С?Ё?

ПредУведомление.

Во избежание недоразумений нужно с самого начала сказать, что тогда Я был болен. Асемантическая депрессия. Целыми днями сидел дома, с людьми не встречался, и по-настоящему жил только среди слов, которые лихорадочно выстукивал на своём компьютере. Слова переставали быть неподвижными чёрными значками на экране, обрастали плотью, черты их проступали всё резче, и уже казалось, что лишь они обладают истинной жизнью. Я хорошо различал их голоса, их лица, их запахи. Они ломились изнутри, стучали кулаками, кричали, требовали выпустить. А всё, что происходило вне моего многострадального компьютера, было искажёнными их тенями, ословотворившимися прямо у меня на глазах. Природа проступавших персонажей становилась всё более двойственной. Это были человеко слова — и люди и, одновременно, обозначающие их слова. Может быть, точнее было бы сказать — слова и обозначающие их люди. Иногда они казались только словами, иногда превращались в людей, и уследить за их превращениями было невозможно. Но чаще всего они были и словами и людьми.

Из-за этого моего пансловизма (который, вероятно, был результатом затянувшейся болезни) действительность — та, что за словами, — стала совсем не важна и понемногу исчезла. По-настоящему важное совершалось теперь не «на деле», а на словах, в стране, которую Я для себя называл *Глаголандией*¹.

---

¹ Одно из многих авторских однословий, которые часто употребляет лирический герой этого *Романа*. Каждое однословие (например, «Глаголандия») — это многослойный палимпсест, который претендует на то, чтобы быть не только новой словоформой, не только новым понятием, но и отдельным законченным литературным произведением. Ударения в однословах выделены курсивом.

Особая, сослагательная природа Глаголандии, где всё что происходит, происходит в виде возможностей, природа персонажей *Романа* и 87и сносок-комментариев, образующих фрагменты параллельного к нему текста, требует и особого языка для их описания. (Я хотел даже сказать «метаязыка», но не совсем уверен, что это в данном случае должно означать). Лексика такого языка целиком построена на однословах.

У каждого из однословий есть ещё и свой лирический герой, связываться с которым не рекомендуется. Остальные жители страны относятся к однословам со смешанными чувствами восхищения их самозавершённостью и неприязни из-за того, что никогда не знаешь, с кем говоришь — то ли с лирическим героем, то ли с самим однословием.

В ней и происходит действие этого *Романа*. Страна эта во многом напоминала Россию. Или, скорее, Россия была для меня её блёклым, размазанным отражением. Я казался себе заброшенным в неё шпионом-добровольцем, скриптором, записывающим своё первое донесение, которое нужно было закончить как можно быстрее, пока меня не поймали.

Многие детали того, что Я собираюсь рассказать, теперь полностью пропали из моей памяти или исказились до неузнаваемости. (Так что Я даже не помню, как сами собой стали переселяться в неё мои стихи). Правда, кое-что удалось вспомнить во сне. Но время, движущееся во сне от настоящего к прошлому, полностью меняет перспективу.

Тот Я, который впоследствии записал эту историю, — уже взрослый человек, много лет проживший в Глаголандии. Край этого текста уходит так глубоко в увиденное во сне, в Проспанную Третью моей жизни, что любопытствующего читателя, который захотел бы заглянуть за край и увидеть настоящее лицо автора, ждёт неизбежное разочарование.

В проступившем наружу *фактура текста, слова, выделка, самая его материя, 87 сносок-заплат на этой материи* стали гораздо важнее, чем его покроем, чем его сюжет. Лучше всего этот текст можно почувствовать, если подносить его близко к глазам и внимательно рассматривать кусок за куском, откладывать ненадолго в сторону, часто возвращаться назад.

Для меня Ясновидящего, для моего сновидящего Я, жившего внутри этой истории, Проспанная Треть жизни, была самой существенной её частью. Я научился видеть наяву и то, что мне на самом деле только снится. С недавних пор рокировки Сна и Яви, мгновенные переходы Ясновидящего в Явнободрствующего и обратно, происходят очень часто. При этом мозг мой ни на секунду прекращает работать, душа моя ни на секунду перестаёт чувствовать. Но слова во сне, скользкие как рыбы, меняют звучание, когда просыпаешься. Узнавать, по какую сторону границы находишься и в каком направлении сейчас течёт время, становится всё труднее. Если закрываешь веки, и окружающее не исчезает, это ещё совсем не значит, что ты во сне.

Отозвавшиеся после десяти лет на слабые оклики Ясновидящего, явно были не совсем теми, за кого они себя выдавали. Но это и не важно.

И ещё. История эта не только обо мне, но и о других вочеловечившихся глагах. В каждом из нас — в его Яви и в его Сне — голографический образ всей страны, образ, в котором видишь тем больше, чем дольше в него всматриваешься.

Полный Толковый Словарь Однословий автора этого Романа приведён в Приложении.